

Ольга ЛАРИОНОВА

«Щелкунчик»

Фантастический рассказ

Этот рейс начинался просто и буднично, как, впрочем, и большинство рейсов, вошедших в анналы Большого Космофлота своим невероятным нагромождением случайностей и аварийных ситуаций. Собственно говоря, вся предыстория этого рейса сводилась к традиционной воркотне Полубояринова, который не жаловал новичков, недолюбливал вундеркиндов и затирал молодежь. Был у него такой маленький недостаток, которого никто бы не замечал, если бы он сам не рекламировал его при каждом удобном случае. Вот и теперь, когда надо было законсервировать базу на Земле Тер-Деканозова — просто снять людей и часть оборудования, — Полубояринов скорчил самую кислую мину, подписывая назначение Сергея Тарумова.

Хотя «за» было многое, а главное — Тарумов давно считался одним из лучших первых помощников. Командиры говорили о нем, что у него интуитивная способность оказывать на подхвате в любой взрывоопасной ситуации. Доходило до того, что если после вахты Тарумов почему-то задерживался в рубке, значит, можно было ждать метеоритной атаки, нейтринного смерча или подпространственной ямы. Но Полубояринову этого было мало. «Рано ему садиться в командирское кресло, — брюзжал он, — а может, и вообще противопоказано. Тарумов — врожденный дублер». — «А вот

это только в самостоятельном рейсе и обнаруживается», — справедливо возражал ему Феврие, который давно уже ходил первым штурманом. Собственно говоря, Тарумова Феврие знал только понаслышке, но скверный нрав Полубояринова был ему давно известен. Рейс несложный — отдохновение души плюс три нырка в подпространство — как раз то, чтобы проверить новичка. Чем черт не шутит! Командиров на флоте не перечесть, но вот НАСТОЯЩИХ командиров...

«Ладно, — сказал Полубояринов. — Пусть получает своего «Щелкунчика», чтоб не было этой обиды — продержали, мол, всю жизнь на положении правой руки. Я же сейчас не о нем, я о тебе, Дан. Подумал бы ты серьезно о моем предложении».

«Ладно, ладно, — отмахнулся тогда Феврие. — Еще будет время. Думаешь, приятно сидеть тут рядом с тобой в управлении? Брюзжишь на все Приземелье...»

Так Тарумов получил свой корабль и со сдержанным восторгом стартовал к Земле Тер-Деканозова, или попросту Тера.

Там его не задержали: экспедиция доказала абсолютную бесперспективность освоения Теры, а засиживаться на «пустышке» было просто противно. К прилету «Щелкунчика» все контейнеры были тщательнейшим образом упакованы — только грузы. В бытность свою первым помощником Тарумов уже сталкивался с людьми группы освоения, которым приходилось сворачивать работы. Как правило, такая группа являла собой полный спектр естественного человеческого раздражения — от корректного и сдержанного до абсолютно разнузданного, переходящего в бешенство. Еще бы, никто лучше освоенцев не знал, во сколько обходятся Базе такие неудачные попытки!

Но ничего подобного не было здесь. Тарумов приглядывался к четкой, несуетливой работе экспедиционников и все более и более убеждался, что залогом этого спокойствия была Лора Жмуйдзинявиченене, руководитель экспедиции — маленькая полная блондинка лет сорока пяти, сочетавшая неукротимую энергию с удивительно мягким и нежным голосом, и Тарумов, вполне согласный с Шекспиром в том, что сей дар составляет «большую прелесть в женщине», вдруг совершенно незаметно для себя оказался под властью ее обаяния. За последние десятилетия женщин в космосе значительно поубавилось, и новоиспеченный командир, отправляясь на Теру, даже не задумывался над тем, кем же может оказаться начальник экспедиции с чудовищной фамилией Жмуйдзинявиченене. Но она протянула ему пухлую маленькую ладошку и просто сказала «Лора», и теперь за теми редкими завтраками или ужинами, когда предстартовые хлопоты позволяли им вместе сесть за стол в кают-компании, он мрачно завидовал Феврие, который с высоты своих семи десятков лет непринужденно обращался к Лоре по имени. Тарумову же, учитывая его неполные тридцать четыре, было неловко называть ее так, и он натянуто молчал, являя собой этакую образцовую дубину в комбинезоне с командирскими нашивками.

Эти неуклюжесть и скованность были если не первой ошибкой, то, во всяком случае, предьсторией всех последующих промахов. Но поначалу все шло идеально. За пятьдесят часов отошли так далеко от Теры, что ее гравитационное поле было не страшно для совершения подпространственного перехода — практикой было установлено, что при нырке в подпространство близко от какой-нибудь, пусть даже незначительной массы корабль выныривал не в расчетной точке, а где-то в другой галактике. Подпространством пользовались, имея весьма смутное о нем представление, как в прошлые века гравитацией.

И оно нередко мстило за пренебрежение к себе.

Так случилось и с «Щелкунчиком» — он вынырнул не там, где надо. Правда, в нужной зоне деятельности локаторы с трудом, но нащупали один из контрольных автоматических буюв, по которым можно было сориентироваться для следующего нырка. Но перед этим нырком нужно было тщательнейшим образом перепроверить гиперпространственный преобразователь корабля. Тарумов со своими механиками промаялся трое суток, но никакой аномалии в работе этого агрегата не нашел. Оставалось признать смещение на выходе случайным и продолжать путь.

Вот тут-то Тарумов и заметался. Сначала он посоветовался с Феврие, но тот был слишком осторожен, чтобы высказаться категорически, и отослал его прямехонько на Базу.

База тоже сочла ошибку случайной. Позднее, перебирая в памяти все этапы этого рейса, Тарумов не сомневался, что, прими он решение единолично, он положил бы «Щелкунчика» в дрейф после первого же нырка и спокойно ждал подхода ремонтного буксира, невзирая на тот возможный позор, который ожидал бы его, молодого командира, окажись вдруг, что корабль задрейфовал понапрасну.

Несмотря на тщательнейшую подготовку ко второму нырку, выход из него оказался коронным по стечению неблагоприятных обстоятельств. Мало того, что их отбросило в систему Прогиноны — тусклого красенького солнышка с тремя убогими планетами, — они оказались в одном из опаснейших уголков Галактики, который обладал такой плотностью комет, что напоминал прибрежную полосу Черного моря ранним августовским утром, когда вода кажется комковатым студнем от обилия медуз.

Собственно говоря, корабль, лежащий в дрейфе или идущий на планетарных двигателях, кометы нимало не тревожат — локаторы связаны с кибер-штурманом, который автоматически изменит курс корабля или даст сигнал заблаговременно нырнуть в подпространство.

Современному звездолету комета страшна только тогда, когда она находится именно в той точке, в которой он выныривает, или, как это принято говорить, «проявляется». Вероятность подобного совмещения в пределах солнечной системы практически равна нулю, но в таких космических дырах, как Прогинона, все могло быть.

И случилось именно с «Щелкунчиком».

В первый миг их попросту тряхнуло, словно корабль икнул

всеми своими трюмными потрохами. Экипаж привычно занял аварийные посты и закрепился на случай последующих толчков — пока все это напоминало учебную тревогу, нежели реальную катастрофу. Но слово «комета» прозвучало во всех отсеках, и все знали, что корабельный компьютер уже рассчитывает массу кометного вещества, оказавшегося в том объеме пространства, в котором «проявился» корабль, и теперь заключенного внутри корабля. В центральной рубке на компьютерном табло уже начали загораться первые цифры, и по мере их возникновения по всем отсекам раздался вой сирен — высокий, прерывистый, означавший опасность нулевой степени, или, попросту говоря, опасность смертельную.

Внутри корабля находилось целых четыре грамма посторонней массы!

Конечно, «Щелкунчику» могло повезти, если бы эти злополучные четыре грамма оказались где-нибудь внутри трюмных помещений, тогда это облачко пара бесследно растворилось бы в воздухе, наполнявшем корабль.

Но могло быть хуже — чрезвычайно редко, но так случилось. Неощутимые частицы чужеродной материи проявлялись в металле корпуса корабля, его машин и механизмов. В таком случае даже единичная молекула, мгновенно возникающая между атомами титана, вызывала так называемый «подпространственный резонанс» и как бы вспарывала изнутри сверхпрочный сплав. Единичная!

А здесь «Щелкунчик» нахватался такого количества ледяной пыли, что теперь в нем каверн было как в сыре. При включении двигателей корабль просто-напросто мог треснуть, как яйцо. А двигатели надо было включать, и побыстрее, ведь не вечно же сидеть на самом загривке у кометы — генераторы защитного поля и так работали на полную мощность. Правда, можно было бы уйти в подпространство, но в таком мощном гравитационном поле, да еще с неисправным преобразователем, была возможность вынырнуть в совершенно неизученной части Метагалактики. Ни сигнальных буев, ни других ориентиров. Как тогда прикажете добираться домой?

И запрашивать Базу не было времени: генераторы защиты переключились на форсаж, и нескольких часов, потребных для установления связи через две зоны дальности, они просто не выдержали бы. На этот раз Феврие не стал ждать, когда командир обратится к нему за советом, и тихонько послал Воббегонга, первого помощника, за Лорой.

И вот она сидела в командирском кресле посреди рубки, а они втроем перед нею, словно курсанты на экзамене. Она уже выслушала все варианты и теперь, в свою очередь, выжидающе смотрела на Тарумова — ему же решать, в конце концов.

— Насколько я понимаю, — резюмировала она, — мы или погибнем сразу, или растянем это удовольствие на несколько лет и в неведомой глуши. Так? — Она беспомощно развела пухлыми ручками.

«И эта женщина спокойно командует тремя десятками мужчин!» — с отчаянием подумал Тарумов. Он завидовал ей

с первого же момента пребывания на Тере, но никогда эта зависть не была так сильна, как сейчас.

А Феврие смотрел на них со стороны — молодчина Лора, умница Лора, она так уютно, по-домашнему толкует с этим щенком, словно вся проблема выеденного яйца не стоит. Она прямо-таки накачивает своим спокойствием этого растяпу. А ведь она видит его впервые. И никто не говорил ей, что он прирожденный дублер, не способный принимать самостоятельные решения. Сама разобралась. И ведь главное — она сейчас меньше всего думает о том, какое решение примет командир в данный момент. Она уже уловила, что риск — пятьдесят на пятьдесят. Она заботится о том, чтобы Тарумову не было стыдно вспоминать о своем первом рейсе, когда он пойдет в третий, четвертый, десятый...

— В конце концов, — заключила Лора, — если оба выхода не сахар, то почему бы не взять от каждого по половинке?

Она тряхнула головой, и завитые кудряшки несерьезно подпрыгнули над ее висками. Совершенно не к месту Тарумов подумал, что очарование этой немолодой уже женщины и состоит в органичности ее контрастов...

— Воббегонг, — обратился он наконец к первому помощнику, — попытаемся слезть с заливки этой кометы на самой малой тяге.

— Курс? — спросил Феврие.

— Халфвинд правого галса.

Феврие обернулся к компьютеру — посчитать курс. Слава вселенной — раз уж пошли лихие команды, то все в порядке. Тарумов уже врубал на центральном пульте клавиши оповещения, издавала доносилось хлопанье трюмных люков, зудение сигналов... Обычная предстартовая суэта. И Лора, спокойно и даже несколько безучастно наблюдавшая за всем этим из командирского кресла. А ведь для нее старались. Тарумов лихо командовал, Воббегонг каблуками щелкал. Полный набор звуковых сигналов по всем трюмам воеет — Филадельфийский симфонический, да и только. Устроили последний парад. Мальчишки. Феврие нажал кнопку, и из стены выдвинулось амортизирующее кресло. Он сел, пристегнулся. Тарумов и Воббегонг последовали его примеру.

— Планетарные — на прогрев! — скомандовал Тарумов.

Планетарные двигатели — штука мощная. Вибрация поначалу чуть заметна, ее угадываешь только потому, что ждешь, да иногда начинает тоненько зудеть попавшая в резонанс лампочка. Но затем гигантское тело корабля наливается напряжением, и крупная, с трудом сдерживаемая дрожь бьет эту титановую посудину, словно какое-то живое существо мчалось изо всех сил, пока не наткнулось на невидимую преграду, и вот теперь оно замерло, а дыхание продолжает хлопотать, и сердце готово разнести свою оболочку... И только когда двигатели будут переведены с холостого хода на маршевый, дрожь эта сгладится, стиснутая невыносимо тяжелой лапой перегрузки.

— Штурман, — сказал Тарумов, — как только выйдем

в периферийную зону шлейфа, ляжем в дрейф и пропустим комету мимо себя. Генератор защиты выдержит. А там считаем, что дальше.

— Хорошо, — не по-уставному ответил Феврие.

Однако хорошо ему не было. Феврие давно уже стало страшно и тоскливо, потому что в этот рейс он мог и не идти — Полубояринов давно уже звал его к себе, в координационный центр. Но он отказался, потому что в этот раз набиралось уж слишком много новичков — не считая командира, механика, второй штурман и оба врача.

А сейчас ему было страшно, и еще страшнее стало от одного-единственного слова Тарумова «посчитаем».

За все время пребывания в космосе Тарумов так и не научился решать. Он научился только считать. Считать даже в тот единственный момент, когда четко и безошибочно должна вступить в действие интуиция настоящего космолетчика.

Феврие, как и все старики, удержавшиеся в космосе, такой интуицией обладал, но сейчас работала не она, а простой автоматизм, и он безошибочно вколачивал программу в корабельную «считалку», а закончив свое дело, невольно оглянулся на Лору — впрочем, на нее все оглядывались, словно спрашивая ее молчаливого согласия и одобрения. Она полулежала в командирском кресле, сцепив на крепежной пряжке свои маленькие руки, и безмятежно улыбалась Тарумову.

— Поехали! — сказал командир.

Раньше это слово, с незапамятных времен ставшее уставной командой, ничуть не коробило старшего штурмана, но теперь Феврие почему-то захотелось, чтобы молодой командир сказал что-то свое, а не традиционное. Ведь сейчас после этого слова может случиться все, что угодно.

Ничего не случилось. Тошнотворность перегрузки — и все. Вот уже три секунды — и ничего. Четыре. Пять. Шесть. Семь...

Удар сотряс всю громаду корабля, словно в носовом отсеке разрядился на себя гаубичный десинтор континентального действия. Кажется, был еще лязг и скрежет рвущегося как картон металла, но кровь ударила изнутри в нос и уши, черной режущей болью застлало глаза. Феврие показалось, что его вывернули потрохами наружу и в таком виде швырнули с пятого этажа. Затем «Щелкунчик» подкинуло и опустило, словно на волне. Еще. Еще... Это было не так уж плохо — значит, работали автоматы-стабилизаторы, гасили колебания; но тут, кроме боли и тошноты, появилось еще какое-то внешнее ощущение — на каждом взлете и падении корабля кто-то методически бил штурмана по ногам.

Он разлепил веки и, с трудом подняв руку, протер глаза: нет, ничего — крови на ладони не было. Осторожно, не расслабляя ремней, глянул вниз и оцепенел: то, что било его по ногам при каждой конвульсии корабля, было телом Лоры.

Вероятно, во время первого, самого страшного, удара ее ремни лопнули или она сама нечаянно нажала на затвор пряжки, и ее выбросило из кресла; но рука попала в ремennую петлю, и теперь все тело билось о станину кресельного

Рисунки Г. СУНДАРЕВА

амортизатора, а ноги в высоких зашнурованных ботинках задевали колени Феврие.

Он знал, что надо отстегнуться и попытаться хоть что-нибудь сделать, он даже чувствовал, что у него на это пока еще есть силы, но оцепенение безнадежности было сильное

разума, и он не мог заставить себя шевельнуться и только повторял:

— Все. Все... Все...

Откуда-то сверху на него свалился Тарумов, продержался секунды две, вцепившись в комбинезон, выжидая миг затишья между взлетом и падением корабля, а затем метнул свое тело вниз, в промежуток между креслами. Феврие увидел его бешено дергающиеся губы и скорее угадал, чем услышал сквозь звон в ушах:

— Всем медикам — в рубку! Всем медикам — в рубку!!!

И словно в ответ — глухой стук и вспышка сигнального табло: «Дегерметизация первого горизонта».

Так и есть, рвануло в носовой части. Двигатели вне опасности, но вот большинство систем внутреннего обеспечения... И, между прочим, аварийный лифт, которым обязательно воспользуются все медики. Только бы они успели...

Феврие поймал себя на том, что он инстинктивно ждет еще какой-то беды. Уж если в массу корабля всажено четыре грамма льда, то тут одной каверной не обойдешься. Он скопился на Тарумова — тот уже втащил Лору в кресло и теперь старательно проверял пружки. Значит, и он ждет.

Успели бы медики...

Он не додумал до конца, как вдруг что-то грохнуло прямо над головой, словно треснул потолок, и Феврие почувствовал такую тяжесть, как будто его тело размазали по креслу...

Когда он пришел в себя, корабль шел как ни в чем не бывало. Если бы не специфический запах медикаментов и отсутствие подушки под головой, Феврие подумал бы, что он просто проснулся у себя в каюте. В следующий момент он почувствовал ледяные прикосновения к левой руке — так и есть, поддожины манипуляторов массировали локоть. Вот он где. Медотсек. Но где же врачи?

В этом полупрозрачном саркофаге, способном обеспечить первую помощь без вмешательства людей и именуемом не иначе, как «гроб Гиппократ», Феврие побывал за свою жизнь не один десяток раз. Он бесцеремонно выдернул руку из цепких лапок манипуляторов и сел. «Гроб» не был закрыт. Это говорило о том, что ничего серьезного не произошло и он может самостоятельно покинуть свое место. Но рядом кому-то повезло меньше — крышка была задвинута, и под полупрозрачной выпуклостью синтериклона мелькали многочисленные манипуляторы с иглами и тампонами... Только вот кто бы это мог быть? Ни в экипаже «Щелкунчика», ни в составе экспедиции вроде бы не числилось бритоголовых, тем не менее в саркофаге лежал кто-то небольшой по росту и абсолютно лысый.

Феврие перегнулся через борт и захватил кончик перфоленты, высовывавшейся из-под изголовья соседнего саркофага. Ленту уже отрывали, и фраза начиналась на полуслове: «...ной вибрации. Движения корабля необходимо стабилизировать. Множественность травм черепной коробки...»

В верхнем люке, расположенном у самой стены, показались ноги: по штормтрапу слетел вниз Воббегонг, молча вы-

хватил ленту из рук Феврие, так что он не успел дочитать и до середины, и снова исчез в люке. Феврие продолжал сидеть, подогнув колени и чуть покачиваясь, и все не мог решить, почему это Воббегонг воспользовался межгоризонтальным штреком, а не аварийным лифтом? Каким-то сторонним углом сознания он отмечал, что просто боится думать о главном и цепляется за второстепенные проблемы, экранируя их кажущейся легкостью от чего-то главного и страшного.

Он невольно всматривался в мелькание тампонов и никеля под крышкой соседнего саркофага, как вдруг в неожиданно открывшемся просвете увидел лицо бритоголового незнакомца.

Это была Лора.

Ужас, от которого он пытался заслониться, настиг его, ударил в голову, как бывало при внезапном торможении, когда вся кровь, кажется, готова вырваться через нос и уши. Такого страха у него не бывало ни разу, ни при какой аварии. Степень собственного потрясения ужаснула его, и он вдруг понял, что страх такой непреодолимой силы при виде гибели знакомого человека бывает только у настоящих стариков.

Так вот что с ним. Приступ самой страшной, необратимой болезни — старости.

Он тяжело перевалил свое тело через край саркофага и побрел к штурмтрапу, стараясь не глядеть в сторону Лоры.

То, что они шли на Землю Чомпота — единственную пригодную для посадки планету системы Прогиноны, — не было решением Тарумова. Это было просто единственным выходом. Первый взрыв — вернее, раскол титанира — произошел в главной регенерационной. Вода теперь подавалась только в медицинский отсек, с воздухом было и того хуже — ведь, кроме экипажа, на борту находилась еще и вся Лорина экспедиция. Хотя нет, уже не вся...

Во время второго толчка медики находились в аварийном лифте. Остался ли кто-нибудь из них в живых, когда кабина была сброшена на дно ствола шахты? Теперь это не имело значения — дегерметизация носовых горизонтов... Вот почему надежнее всего было поручить Лору заботам кибердиагностера, в задачу которого входило не только дать полный анализ состояния пациента, но и поддерживать в нем жизнь до оперативного вмешательства людей. Но оперировать было некому.

Поэтому искалеченный «Щелкунчик» мчался к единственной планете, которая могла его приютить до подхода спасателей.

В овальном иллюминаторе тускло голубела освещенная сторона планеты. Один материк был сплошь покрыт обледенелыми скалами, второй, экваториальный, почти сплошь заболочен, так что для высадки годилась только каменистая терраса, спускавшаяся от молодого горного массива, ощерившегося скальными пиками, к топкой равнине. На этот единственный пятачок и нацеливался штурман.

На экране корабельного компьютера ползли данные по климатическим условиям Чомпота: средние температуры, сезонные ветры, зависимость радиопомех от активности Прогиноны...

— Пропустим это? — полувопросительно обратился Тарумов к тяжело осевшему в кресле Феврие. — Погоду даст нам зонд, а на целый сезон мы тут вряд ли задержимся...

Штурман едва удержался от того, чтобы не спрятать руки за спину и там костяшками пальцев постучать по деревяшке.

— Да-да, — отозвался он с преувеличенной озабоченностью. — У вас ведь шесть зондов, а с посадкой на Чомпоте ни у кого до нас затруднений не было, насколько я помню.

Помнить этого он, разумеется, не мог: космолетчик его класса держал в памяти от двухсот до трехсот планет, но Чомпот не входил в их число. Потому-то командир и предложил:

— А все-таки перепроверим предыдущие посадки...

Садился только «Аларм», разведчик, а «Мирко Сташич», ремонтёр, ходил вокруг да около. Данные корабельного информатория были скупы, из них только следовало, что «Аларму» повезло почти так же, как и «Щелкунчику», с той только разницей, что у него полетели двигатели. Они вызвали ремонтёра и болтались на стационарной орбите, пока не подошел «Мирко». При этом разведчики произвели вполне удовлетворительную съемку поверхности и набрали порядком статистики по атмосфере. База, оперативно разобравшись с этими данными, признала Чомпот к освоению не вполне пригодным, и поэтому высадка людей не производилась. Экипаж «Аларма» прямо на орбите перешел на ремонтёр. «Аларм» был изрядно потасканным кораблем, и его решили бросить, то есть дистанционно опустили на поверхность, дабы он служил автоматическим маяком или, коли понадобится, пристанищем для потерпевших крушение.

— Надо бы задействовать маяк, — забеспокоился Тарумов. — Инженера по связи — в рубку!

Лодария, старший связист, вылез из люка бородой вперед. Следом показался угрюмый Воббегонг с очередной лентой в руках.

— Вы можете задействовать маяк на Чомпоте? — спросил Тарумов.

— А почему нет? — в своей обычной манере вопросом на вопрос ответил Лодария, постоянно раздражавший командира.

— Вызывайте Чомпот, — сухо сказал Тарумов.

— Это недолго. Только мне бы сначала наладить связь с Базой.

— Что-нибудь с передатчиком? — спросил Воббегонг.

— Боюсь, что с антенной. Ее выход в носовой части не проверишь, пока не сядем.

Это и так было ясно — вся носовая часть, разгерметизировавшаяся при ударе, была наглухо перекрыта автоматическими щитами.

— Проще будет воспользоваться аппаратурой на «Аларме», — сказал Воббегонг. — Главное, быстрее. «Гиппократ» торопит.

— Теперь только сесть как можно ближе к этому разведчику, — почти просительно проговорил Тарумов. — Аппаратура на нем работала надежно, во всяком случае, когда «Мирко Сташич» вышел из зоны слышимости, База приняла все данные с АРПС.

Да, АРПС — автоматическая разведочно-поисковая станция, опустившаяся на поверхность вместе с обезлюдевшим «Алармом», — долгое время посылала сведения об атмосфере, почве, растительности и прочих характеристиках этой малопривлекательной планеты, и сейчас все эти сведения, хранившиеся на всякий случай в электронной памяти каждого корабля, светлыми колонками цифр и обозначений проскальзывали по экрану. Животный мир полностью отсутствовал, даже на уровне простейших, но вот плотность зеленой массы на квадратный километр позволила бы там разводить стада мастодонтов или протоцератопсов.

Но сейчас это мало кого интересовало, и Тарумов протянул уже было руку, чтобы выключить подачу данных, когда на экране возникла лаконичная надпись:

СЛЕДЫ ВНЕЗЕМНЫХ ПОСЕЩЕНИЙ: ЛЕМОИДЫ (?!).

— Что? — вне себя крикнул Тарумов. — Еще и лемоиды?

Феврие только покачал головой — это было закономерно. Уж если в этом рейсе на них начало все сыпаться с самого начала, то и кончиться должно было какой-нибудь нечистью.

— Ложимся в дрейф, — чуть слышно пробормотал командир. — Теперь только одно — лечь в дрейф...

Свободный дрейф. Ах как это было бы хорошо, как это было бы спокойно, если б не регенераторы. Если б не передатчик.

И если бы не Лора.

— Командир! — Похоже, что до старшего связиста медленно, но верно начало доходить, кто ими командует. — Командир, я не гарантирую, что мы установим связь с Базой и за десять дней...

— «Щелкунчику» лечь в дрейф, — повторил Тарумов.

«Если бы мои подчиненные когда-нибудь посмотрели на меня так же, как сейчас Воббегонг и Лодария на своего командира, — мелькнуло в голове у штурмана, — я, наверное, выбросился бы в открытый космос. Хотя... чем я лучше его?»

— Воббегонг, — заставил он себя произнести чужим, твердым и молодым голосом, — посмотрите еще раз, как там в медотсеке. А вы, Лодария, постарайтесь не затягивать ремонт на десять дней.

Люк за ними захлопнулся чересчур поспешно.

— А теперь, Сергей, в сложившейся обстановке я беру командование кораблем на себя.

Тарумов прикрыл глаза, словно на него замахнулись.

— Первое, — продолжал штурман, — необходимо проверить, кто из нашего экипажа или из состава экспедиции имел дело с лемоидами. Если таковые имеются — немедленно их в рубку.

Тарумов кивнул.

«Не торопись соглашаться, растяпа, — с горечью подумал Феврие. — Посмотри сначала, а могу ли я взять на себя такую тяжесть. Я ведь не могу. И не возьму. Ты растерялся, ты не знаешь, что главное сейчас — корабль с онемевшими передатчиками, угроза удушья или эти взеземные механические нелюди на этом треклятом Чомпоте, куда нам все-таки придется садиться. Но главное не это, с этим мы как-нибудь справимся. А главное — любой ценой спасти Лору Жмудзинявичене. Как это сделать, решать будешь ты».

— И во-вторых, — проговорил штурман тоном, не допускающим никаких возражений, — то, что кораблем команду фактически я, в бортовой журнал ВНЕСЕНО НЕ БУДЕТ.

— Или это не «Аларм», — проговорил Сунгуров, микробиолог экспедиции, — или он валяется как бревно.

Все напряженно всматривались в иллюминатор, который давал цветное изображение поверхности с пятикратным увеличением.

— Можно сбросить еще километра два высоты, но это нам ничего не даст, — проговорил Тарумов. — Пускаем зонд?

Впрочем, вопросительная интонация улавливалась только одним человеком — Феврие. Он так же незаметно кивнул.

— Давайте, — обернулся Тарумов к Воббегонгу. — Если только и зонды не заклинило.

Зонд отделился от корабля исправно и бесшумно, только канареечным светом трепыхнулась сигнальная лампочка и матово затеплился приемный экранчик, дающий изображение. Сначала он был покрыт тенью, но, по мере того как зонд отделялся от корабля, на оливковой поверхности появилось и начало уменьшаться изображение четыреххвостового кашалота — именно так выглядел «Щелкунчик» со стороны. Видимость была ниже средней — распределитель недодавал энергии.

Все смотрели затаив дыхание, словно на экране вот-вот мог появиться лемоид в натуральную величину. Собственно говоря, «лемоид» — это был космический жаргон. С колонией саморазвивающихся киберов люди столкнулись впервые в системе Бетельгейзе спустя четыре столетия после того, как эта мелкая и всесильная своей массой нелюдь была описана Станиславом Лемом, и как-то само собой получилось, что киберы эти оказались на совести писателя, словно он их не только предсказал, но и реально создал, и брошенное кем-то прозвище «лемоиды» вдруг стало общепринятым термином.

С тех пор лемоиды были обнаружены не менее чем в десяти различных уголках вселенной — как на планетах, так и на астероидах. В большинстве случаев они давно уже были безнадежно и неотвратимо мертвы. Различные пути эволюции, в которых проходило это развитие, привели к тому, что ни разу формы киберов не были хотя бы отдаленно схожи. Правда, возраст их был предположительно одинаков, но с такой натяжкой, что на Земле так и не пришли к единому мнению: считать ли всех лемоидов изначально единообразными, принимать ли их за детища одной цивилизации, но разных времен и назначений, или вообще не связывать одну лемоидную популяцию с другой.

Из экипажа «Щелкунчика» только Дан Феврие встречался с лемоидами, но это была мертвая колония, кажется, на Белой Пустоши. Зато из состава экспедиции специалистом по лемоидам оказался Петр Сунгуров, имевший дело с абсолютно живыми и, надо сказать, вполне боеспособными тварями, полонившими Землю Краузайте и обратившими землян в беспрецедентное бегство.

Между тем изображение «Щелкунчика», передаваемое с зонда, стало совсем крошечным.

— Высота три тысячи пятьсот, — доложил Лодарий. — А не пора ли переориентировать зонд на изображение Чомпота?

— Давно пора. И запрашивайте наконец маяк на «Аларме», как-никак, он кувырчался так, что аппаратура...

— Чомпот планетка молодая, — поспешил прервать его опасения штурман. — Его трясет и ломает беспрестанно, так что не будем все беды валить на лемоидов, может, и мертвых.

Видно было, что об этом втайне мечтают все присутствующие.

Внезапно рубка наполнилась прерывистым свистом, словно кто-то нетерпеливо звал собаку.

— Ага, — удовлетворенно хмыкнул Лодария. — «Аларм» таки отозвался. Хотя почему бы аппаратуре и не работать? — Он нахлобучил шлем и переключил прием на себя. Стало тихо.

— Алармовый компьютер на связи, — доложил Лодария. — Рвется дать метеосводку, словно ничего нет важнее. Принять?

— Попозже, — сказал Тарумов. — Есть ли у него связь с Базой?

Лодария мотнул бородой и начал отстукивать шифр запроса — при общении с компьютерами звуковой код был ненадежен.

— Так... Сверхдальняя связь действует... Последняя проверка была сто восемьдесят часов назад... В настоящий момент нет выхода на ближайшую ретрансляционную зону — помехи.

— Защитное поле «Аларма» можно включать дистанционно?

Лодария немного поколдовал своим ключом, прислушался. Все напряженно ждали — собственные генераторы защиты на «Щелкунчике» отказали сразу же после того, как корабль вылез из кометного хвоста. Дьявольский форсаж, а генераторы находились близко от носовой части... Никто из экипажа не говорил об этом вслух, но пока они шли на планетарных, один-единственный метеорит размером в горошину мог покончить с громадой беззащитного «Щелкунчика».

— Поле, оказывается, включено постоянно, — доложил старший связист, — но отсюда управлять им возможно.

— Радиус?

— Триста метров.

Тарумов оглянулся на Феврие — что-то странно было, что у разведчика такого класса, как «Аларм», защитное поле ограничивалось таким малым радиусом.

— Ничего, — сказал штурман. — Возможно, радиус был задан с уходящего ремонтера. Пеленг сейчас устойчивый, и посадить нашу посудину прямо под бок «Аларму» — пара пустяков. А там мы сразу прикроемся его защитным полем.

На словах выходило все удивительно легко.

— Добро, — сказал командир. — А пока страховки ради посадим по пеленгу зонд. И самое время поинтересоваться метеосводкой, мы ведь должны сесть так, чтобы и посуда не зазвела.

Все время наблюдая за Тарумовым, который с каждой командой становился все увереннее, Феврие невольно задавал себе вопрос: а не происходит ли с командиром естественный и неизбежный процесс слияния со всем кораблем, когда чуть и чуть ли не болезненно начинаешь чувствовать работу каждого, особенно искалеченного узла, когда дышишь каждым регенератором и чихаешь при каждой пробке в топливном трубопроводе? Штурман знал, что именно так и рождается НАСТОЯЩИЙ командир, но настоящим Тарумов был не создан. Но если он и способен был в какой-то степени овладеть кораблем, то наверняка забыл о людях.

И вот теперь, после ничего не значащих для посторонних слов, Феврие понял, что и тут он недооценивал своего командира. Тарумов действительно знал, что сейчас самое главное. И, пожалуй, никогда об этом не забывал. Мягкая посадка. Пуховая посадка. Потому что это необходимо для Лоры.

Словно угадав его мысли, Воббегонг нырнул в люк и минутой через полторы выскочил обратно.

— Командир, «Гиппократ» требует в течение часа сообщить ему о возможном режиме движения. И беспокоится о кислороде...

— Высота зонда? — отрывисто спросил Тарумов.

— Тысяча триста.

— Через час мы будем на поверхности и в полном покое.

Феврие снова подумал — не постучать ли по деревяшке...

— Странные помехи, — сказал вдруг Лодария.

Все разом повернулись к экрану зонда. Действительно, вся его оливковая поверхность была испещрена какими-то растущеванными запятыми. Продолговатая туша «Аларма», обозначающаяся было с нормальной четкостью, теперь оказалась как бы закапанной чернильными брызгами.

И брызги эти росли.

— Высота?

— Тысяча шестьдесят пять.

Кляксы уже расплылись по всему экрану, в промежутках между ними едва видимая теперь поверхность Чомпота встала вдруг ребром, совершила противоестественный курбет — и экран погас.

— Запустить второй зонд! — крикнул Тарумов прежде, чем кто-либо успел опомниться. — Второй зонд аналогично по пеленгу, третий — с разрывом в двести метров!

Теперь светилось два оливковых экранчика: нижний с самого начала следил за поверхностью, верхний давал изображение нижнего зонда, напоминавшего несимметричную грушу.

— Тысяча триста... — негромко диктовал Лодария. — Тысяча двести восемьдесят... двести шестьдесят... двести сорок...

— Вот они! — крикнул Воббегонг. — Бросились. Свора.

Отдельные черные запятые становились видимыми не сразу — похоже, что размеры их были порядка метра в поперечнике. Они шли на нижний зонд, не рыская, словно по магнитной наводке.

— Третьему зонду закрепить постоянную дистанцию в сто пятьдесят метров по вертикали!

— Сделано. Тысяча сто во...

Экран нижнего зонда дернулся, задрожал. На нем уже ничего нельзя было разобрать. Зато на верхнем экране было отчетливо видно, как происходит нападение. Тупорылые конусообразные тела налетали на нижний зонд и вцеплялись в него мертвой хваткой. Естественно, в первую очередь доставалось всем выступающим частям: антеннам, датчикам, смотровым линиям, стабилизаторам. Везде, где можно было зацепиться, висело уже по две-три механические твари, нередко друг на дружке. Лемоиды, если это действительно

были они, заваливали зонд собственной массой. Нижний экран погас, на верхнем было видно, как черный бесформенный сгусток валится на поверхность.

— Третий зонд — вверх!

Ошеломленные этим натиском, все забыли о том, что связанной заданной дистанцией третий зонд следом за вторым вошел в зону поражения.

— Поднять третий зонд на высоту тысяча триста!

Поздно. На верхнем экране изображение подбитого зонда дернулось, кувыркнулось — и все повторилось.

Тарумов успел прикинуть, что для того, чтобы вывести зонд из строя, лемоидам потребовалось шесть-семь секунд.

Из шести зондов на «Щелкунчике» осталось только три, а между тем лемоидов даже не удалось как следует разглядеть.

— Хорошо, — неожиданно сказал Тарумов, — очень хорошо. Что общего у этих тварей с теми, которые вам уже встречались?

— Внешне — ничего. — Сунгуров вроде бы даже обрадовался, что настал его черед и он может чем-то помочь. — Наши киберы были много мельче, передвигались прыжками, но не выше, чем в три-четыре метра. Хотя от наших особей как раз и можно было бы ожидать большей легкости в движениях: видите ли, на Земле Краузайте высшей формой жизни являются насекомые, и наши «краузайки» напоминали гибрид муравья и кузнечика...

Командир жестом остановил Сунгурова. Это так просто, неужели никто раньше не обратил внимания?..

— Скажите, Феврие, а кого напоминали лемоиды на Пустоши?

«Ох, мальчик, — подумал Феврие, — ты бы меня не дергал. Я сижу в уголке, изредка одобрительно киваю тебе, когда ты на меня оглядываешься, — и я весь тут. Я не знаю, как назовут это медики: какая-то депрессия, вероятно, но мне сейчас не семьдесят лет, а все сто сорок. Моих сил сейчас хватает только на то, чтобы держаться прямо в кресле...»

Но он пожевал губами, собираясь, и медленно ответил:

— Никого. Никого из земных. Биомеханизмы укоренились...

— Все-таки аналогия есть: земные кораллы, — подхватил Воббегонг. — Я хорошо помню ваши отчеты. Помните, был у вас такой второй механик — Поссомай, он обломил ветку и обнаружил внутри биоконденсатор. Только тогда у вас и возникли подозрения о том, что перед вами останки саморазвивающейся биосистемы.

— А какова наивысшая форма жизни на Белой Пустоши? — спросил Тарумов.

— Если туда ничего не занесли, — уверенно продолжал первый помощник, — то на всей планете не найдешь даже инфузории.

— Так, — сказал Тарумов, — а не кажется ли вам, что лемоиды механически репродуцируют наивысшую форму жизни?

— Да, кажется, — оторвался от своих экранов Лодария, —

но вряд ли это по плечу малому передвижному киберу. Другое дело, если бы колонией управлял единый мозг...

— В отчетах было упоминание об останках какой-то биокомпьютерной системы на Белой Пустоши, — вставил Воббонг.

— Ну а мы не успели даже толком оглядеться, — честно признался Сунгуров. — Уж очень наши «краузайчики» были хозяйственные: так и норовили растащить все на составные части и упрятать в свои муравейники. Вездеход разобрали по винтикам, а кроликов отпрепарировали в лучшем виде — по косточкам.

— Минуточку, — остановил его Тарумов. — Тогда сразу же напрашивается вопрос: откуда у здешних лемоидов эта агрессивность, если на Чомпоте, как и на Пустоши, нет зверей?

— Мда, — сказал Сунгуров. — Задача. Тем более что «Аларм»-то спокойно приземлился на том же самом месте. Вон он, целый и невредимый, валяется на боку и даже попискивает.

Действительно, «Аларм» тоненько маячил внутри шлема, лежащего на коленях у Лодарии, и эти сигналы звучали, как метроном, отсчитывающий секунды. Время шло.

— Хорошо, — встрепенулся Тарумов. — Четвертый зонд спустим на высоту тысяча триста, и ни миллиметра ниже. Так?

Он привычно обернулся на Феврие, но не стал ждать одобрительного кивка, а продолжал:

— Прочешем район плоскогорья. Движение зонда — по спирали. Посмотрим, как они попрыгают. Посчитаем.

— А может, — с надеждой спросил Лодария, — они одноразового действия? Прыгают и разбиваются?

Ох как всем этого хотелось!

Четвертый зонд ринулся вниз, но на этот раз ему было велено не только сохранять заданную высоту, но также держать дистанцию в пятьдесят метров от ЛЮБОГО движущегося предмета.

Зонд опустился, пошел по расширяющейся спирали, но на такой высоте лемоиды не «клевали». Пришлось его приспустить, и вот первые твари пошли в атаку. Зонд беспокойно запрыгал, шарахаясь от каждого агрессора, и видимость стала совсем скверной. Оливковый экранчик транслировал форму «пляску святого Витта», а в иллюминатор нельзя было рассмотреть никаких деталей.

— Что же они делают с нашими зондами, интересно узнать? Жрут, что ли? — Лодария всегда отличался неуемной любознательностью, но сейчас этот вопрос равно волновал всех.

Вопрос действительно требовал ответа, и сделать это мог сейчас только корабельный компьютер, который с самого начала копил все данные с зондов. Тарумов отстучал запрос. **«ПРОИСХОДИТ ПОЛНЫЙ ДЕМОНТАЖ КОНСТРУКЦИЙ»** — появился ответ на компьютерном табло.

— Да, действительно жрут, — уныло констатировал Лодария. — А все-таки, как это выглядит в натуре?

— В натуре это охота за металлоломом, — сказал Воббегонг.

— Почему же они не растащили «Аларм»? — спросил Сунгуров.

— Законсервированный корабль автоматически включает защиту при первой же попытке демонтажа, — рассеянно проговорил Тарумов. — Сам-то корабль они тронуть не смогли...

— Но ведь там не было же людей?!

— Не о людях речь... не о людях...

Видно было, что Тарумов что-то лихорадочно обдумывает.

— Сейчас важно другое... — пробормотал он, одновременно набирая очередной запрос «считалке». — Можно ли считать размещение лемоидов по поверхности в первом приближении равномерным?

Ответ загорелся через доли секунды:

«В ПЕРВОМ ПРИБЛИЖЕНИИ — ДА».

— Все ли особи, находящиеся в радиусе атаки, принимают участие в нападении?

«АБСОЛЮТНО ВСЕ».

— Воббегонг, проведите зонд по той же самой траектории, но в обратном направлении, по сужающейся спирали. Черные запятые запрыгали столь же резво, что и прежде.

— Равно ли число нападений на прямом и обратном пути? — не доверяя себе, запросил Тарумов.

«ДА».

— Кому там захотелось, чтобы лемоиды разбивались при падении? — спросил командир. — Не вышло.

— Мне хотелось, — покаянно вздохнул Лодария. — А все-таки, командир, что вы имели в виду, когда говорили, что лемоиды не тронули ТОЛЬКО корабль? «Аларм» зондов не пускал...

Тарумов, казалось, не слышал. Он неотрывно следил за экраном, на котором возникали, росли, на какую-то секунду замирали и, сверкнув жирным металлическим боком, уходили вниз конические кляксы. Пробриться сквозь такой рой было бы немислимо. Незащищенный «Щелкунчик», обвешанный мерзкими тушами, обязательно будет дебалансирован. Может быть, он и не рухнет, но посадку никак нельзя будет назвать мягкой. И страшно подумать, что будет в госпитальном отсеке после такого приземления...

Командир молчал. Молчал и Феврие, который за последний час не проронил ни единого слова. Он радовался только тому, что никто, а в особенности Тарумов, не догадывался о его состоянии. Встречаясь взглядом с Тарумовым, он только опускал веки, даже не кивая, но Тарумов чувствовал, что это означает: «Так, командир. Ты все делаешь правильно, командир. Молодчина».

Но где-то в глубине души Феврие чувствовал, что, если бы сейчас Тарумов сделал что-нибудь не так, у него больше не нашлось бы сил вмешаться. И он прикрыл бы веки: «Так, командир», — но больше, вероятно, их не поднял.

Однако с тех пор, как старший штурман взял всю ответ-

ственность за корабль на себя, Тарумов не допустил ни одной ошибки.

— Четвертый зонд застопорить над «Алармом», — продолжал командовать Тарумов. — Давид, еще и еще раз проверьте надежность дистанционного управления защитой. Ведь нам нужно будет отключить ее, когда будем подсаживаться под бок «Аларму».

Командир впервые обратился к связисту по имени, но Лодария этого вроде бы и не заметил. Да, дистанционку он проверит, дело нехитрое, но как командир собирается пройти этот отрезок по вертикали: от тысячи ста до трехсот метров, то есть от линии атаки до границы защиты?

В этот момент раздался металлический сигнал внутренней автоматической связи и на видеофоне возник госпитальный отсек.

В аварийной обстановке один только «Гиппократ» имел право подключиться к рубке, не дожидаясь согласия командира.

— Категорически предлагаю лечь в дрейф, — послышался металлический голос. — Необходим покой и оперативное вмешательство. Почему медперсонал не реагирует на данные кибер-диагностера? Делаю замечание командиру.

Командиру не надо было делать замечаний. В первую же секунду он вскочил и непроизвольно заслонил собой экран со зловещими тупорылыми тенями, словно Лора из своего саркофага могла увидеть этот кошмар. Что он мог объяснить «Гиппократу»? Что взамен покоя он готов отдать все: от последнего глотка воздуха до всей своей крови? Этого было мало. А покоя он гарантировать не мог.

— Мне нужен еще час, — хрипло проговорил он в микрофон. — Один час. Продержитесь любой ценой.

И никто не понял — то ли он просит машину, то ли обращается к самой Лоре. Но Лора слышать его не могла...

— Воббегонг! — Командир сжал спинку своего кресла с такой силой, словно корабль вот-вот должно было снова встряхнуть. — Бомбовый удар по Чомпоту, кольцевой охват «Аларма» с радиусом от трехсот до двух тысяч метров. Плотность заряда ноль, двадцать пять сотых тонны на сто квадратных метров!

На этот раз он даже не оглянулся на Феврие. Внизу не было больше потомков неведомых цивилизаций — было механическое препятствие, подлежащее уничтожению. И если бы кто-нибудь осмелился возразить ему, он, наверное, напомнил бы старинную легенду о том, как несколько веков назад на Землю прилетел всемогущий пришелец. И надо же — сел прямо на шоссе, по которому шли танки Гудериана. Пришелец прекрасно понимал, что перед ним орудия уничтожения, но не посмел вмешаться: видите ли, детища чужой цивилизации, с ними надо еще разобрататься, не двигают ли они каким-нибудь боком прогресс... Бить танки пришлось тогда русским.

А может, он и не вспомнил бы эту байку, а просто отрезал бы: «Всю ответственность беру на себя».

— Готов! — доложил Воббегонг.

— Залп!

В иллюминатор было видно, как стремительно пошли вниз кассеты с бомбами. Вот они промелькнули на экране зонда. Навстречу им метнулись было черные попрыгунчики, но кассеты раскрылись, и лемоиды заметались, сбитые с толку внезапной множественностью целей. На зондовом экране можно было наблюдать, как некоторые киберы все-таки зависают на несколько секунд, словно прицеливаясь, затем вцепляются в корпус бомбы и спускаются вниз мертвым сцепом, но зато явно медленнее, чем при свободном падении. Проследить их дальнейшую траекторию было невозможно, потому что далеко внизу уже запенились первые крохотные бурунчики взрывов, такие нестрашные ввиду своей дальности и бесшумности. Но все прекрасно понимали, какой ад творится там, в трехстах метрах от лежащего «Аларма». Дым и пылевые тучи уже скрыли все плато, и только сам корабль под невидимым куполом защитного поля смотрелся с высоты, как бычий глаз.

— Защита хоть выдержит? — робко подал голос Сунгуров.

Тарумова даже передернуло от такого вопроса. Если полетит защита, то один черт — что садиться, что оставаться на орбите. Без помощи, которая могла прийти только с Базы и только через радиорубку «Аларма», Лора все равно продержится считанные часы. А все остальное — несущественно.

— Регенераторы дохнут, — шепотом предупредил Воббегонг.

— Всем надеть скафандры, — бросил через плечо Тарумов, словно отмахнулся от несущественной мелочи.

Сейчас это действительно было далеко не самым страшным. Гораздо страшнее было то, что снова подключился «Гиппократ»:

— Могу гарантировать еще один час. Командиру принять меры.

— Приготовить параллельный гипнофон, — как нечто совсем обычное и не вызывающее сомнения приказал командир, отключая экран медотсека. — Воббегонг, повторите бомбовый удар, только возьмите радиус побольше. Можно врезать им и по третьему разу. Это еще мой приказ, за него я и отвечу на Базе. А сейчас командование кораблем передаю старшему штурману Дану Феврие. Я буду в медотсеке. Все.

— Нет, — сказал Феврие, — не все.

Тарумов развернулся на этот голос с такой яростью, что, казалось, кресло вылетит из амортизационной станины.

— Нет, — устало, но твердо проговорил Феврие. — Вам предстоит ТАКАЯ посадка, что необходим каждый член экипажа.

— Вы меня извините, Сергей Александрович, — неожиданно вмешался Сунгуров, — вы, разумеется, не в курсе, но у нас с Лорой уже отработан пси-контакт. Так что если дошло до гипнофона, то ни у кого так хорошо это не получится, как у меня. Вы уж позвольте, Сергей Александрович...

И тут Тарумов не нашелся, что возразить. Если бы Сунгуров требовал, доказывал — другое дело. Но он просил.

К тому же отработанный пси-контакт — против такого и

возражать-то было бессмысленно. Гипнофон — дело темное, он далеко не всегда давал положительные результаты.

— Хорошо, — сказал Тарумов. — Идите. Но я прошу вас подождать еще пятнадцать минут — может быть, мы сядем сейчас же и беспрепятственно. Тогда посмотрим...

— Спасибо, Сергей Александрович, — проговорил Сунгуров, смущенно опуская свои длинные азиатские ресницы. — Я пошел.

Он молча втискивался в люк, и все смотрели на него — до сих пор такого неприметного человека, который мог обратить на себя внимание разве что поразительным сходством с гогеновскими таитянами: тот же неевропейский приплюснутый нос, влажные огромные глаза и тропическая медлительность движений. А сейчас он взял на себя параллельный гипнофон, крайне опасную штуку, разрешенную только на сверхдалних рейсах и в таких вот безвыходных ситуациях, как сейчас на «Щелкунчике». Эта «штука» складывалась из обычного гипнофона — аппарата для лечения сном и столь же безобидного мнемопередатчика, используемого для механического впечатывания в память больших объемов статистического или лингвистического характера. Здесь же мнемопередатчик использовался как транслятор, передающий на гипнофон био- и пси-ритмы здорового человека. Опасность заключалась в том, что такое чудовищное напряжение, в котором приходилось пребывать пси-донору в течение нескольких часов без малейшего перерыва, обязательно выливалось в тяжелейшее перенапряжение, а суточный сеанс грозил донору амнезией.

Вот на что ушел Сунгуров, и если бы у него не был налажен контакт с Лорой, Тарумов ему ни за что бы не уступил.

Командир обвел взглядом оставшихся — все тяжело было очень бледен.

— Почему не надеты скафандры? — взорвался командир. — Воббегонг, проверьте отсеки. Регенератор работает на лазарет.

Тарумов вздернул змейку скафандра и прокашлялся в микрофон. Надо было поторапливаться — в баллонах запас воздуха на сорок восемь часов, а ведь это и на посадку, и на организацию обороны, и на переселение в «Аларм», а если понадобится — и на частичный ремонт последнего. Так что — времени в обрез.

— Давид, приспустите четвертый зонд, но подтвердите удаление на пятьдесят метров от любого предмета.

Зонд пошел вниз — на оливковом экранчике начали расти и приближаться кучевые облака пыли и пепла. Зонд был уже на высоте шестисот метров. Пятьсот, четыреста. Повис над тучей. Еще немного — и он оказался в медленно поднимающемся тяжелом мареве.

— Переключить на инфракрасный локатор и спускать дальше!

На экране завихрились смерчи нагретого воздуха, а в иллюминаторе все это выглядело далекой пеленой. Впрочем, нет — кажется, возникло какое-то едва уловимое мельтешение...

— Обошли сверху! — резанул слух крик Лодария.

Каша на экране зонда забурлила так, словно кто-то включил гигантскую мешалку. Замелькали светлые тупорылые призраки — значит, внизу, на поверхности, было погорячее. Все уже понимали, что зонд доживает последние секунды. Экранчик засветился ярче, призраков прибавилось, они были уже почти неотличимы от фона. И — разом темнота отключения.

— Их там снова полным-полно, — констатировал Воббегонг. — Может быть, запасные подземные укрытия?..

— Размножаются, скоты, — мрачно предположил Лодария.

— Паника на борту! — прикрикнул командир. — Мы, естественно, ничего в этой каше рассмотреть не могли. Но зонд работал до самого соприкосновения с поверхностью. Как бы он ни кувыркался, наша «считалка» получила достаточно кадров для анализа. Сейчас мы будем знать, что там, внизу, происходит на самом деле.

Его пальцы бесшумно забегали по клавиатуре компьютера, и почти мгновенно на табло заструились строчки ответа:

«В МОМЕНТ ВЗРЫВА В ВОЗДУХЕ НАХОДИЛОСЬ ПРИМЕРНО 75 ПРОЦЕНТОВ ВСЕХ ЛЕМОИДОВ. ИЗ КОТОРЫХ ПОВРЕЖДЕНО НЕ БОЛЕЕ 10 ПРОЦЕНТОВ. ИЗ НАХОДИВШИХСЯ НА ПОВЕРХНОСТИ УНИЧТОЖЕНО 80 ПРОЦЕНТОВ. ПРИНЦИП РЕГЕНЕРАЦИИ ПОКА НЕ ЯСЕН, ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ АНАЛОГОВОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО».

— А откуда они берут металл для этого самого аналогового воспроизводства? — справедливо поинтересовался Лодария.

— А вот это — то, что они могли награть, не трогая корабля, — ответил Тарумов. — С «Аларма» сошли люди, но, спустившись на поверхность, корабль запустил автоматические станции исследования, которые и снабдили уходящий ремонтник всеми сведениями о Чомпоте. Передвижные биологические лаборатории, метеостанции, буровые самоходки, наконец, солнечные батареи — все, что высунулось за радиус защиты, могло быть разграблено.

— Вдобавок наши собственные зонды, а может быть, и бомбы, — брякнул Воббегонг. — У меня сложилось впечатление, что они поддерживали бомбы в воздухе и опускали их бережно, как сырые яйца. Запросите-ка «считалку», какой процент невзорвавшихся бомб?

Ответ был более чем неутешительный: 40 процентов.

— Мы кормим их сырьем, — резюмировал Лодария. — То-то мне показалось, когда они бросились на четвертый зонд, что их стало даже больше, чем в первой атаке. Проверим?

На табло опять побежали слова:

«ИЗ УЦЕЛЕВШИХ ЛЕМОИДОВ В АТАКЕ НА ЗОНД УЧАСТВОВАЛО ТОЛЬКО 33 ПРОЦЕНТА, ПРИЧЕМ ИХ АКТИВНОСТЬ И, В ЧАСТНОСТИ, СКОРОСТЬ ВОЗРОСЛИ В ТРИ РАЗА.

48 ПРОЦЕНТОВ ЗАНИМАЛИСЬ ВОСПРОИЗВОДСТВОМ.

ПОЛАГАЮ ЧИСЛЕННОСТЬ ПОПУЛЯЦИИ УЖЕ ВОССТА- НОВЛЕННОЙ».

— У нашей «считалки» хроническая процентомания, — не выдержал вездливый Лодария. — Сорок восемь, тридцать три... В жизни статистика не была более бесполезной, чем тут. Их надо глушить удар за ударом, а тут числовая абра-кадабра...

— Нет, нет, — быстро заговорил Воббегонг, — это не абра-кадабра. Это какие-то строго закономерные цифры, но я видел что-то аналогичное... Но весьма далекое от киберов. Может, спустим еще один зонд, чтобы проследить их поведение?

— Следующего зонда я им не подставляю, — жестко отрезал Тарумов. — А разгромчик будет. Воббегонг, плотность удара увеличить втрое, внешний радиус поражения — пять километров. Залп!

Кассеты ринулись вниз.

— Зонд следом, но не ниже тысячи двухсот метров!

На экране было видно, как расходятся веером смертоносные кассеты. Но их ждали — черные кляксы рванулись на встречу.

— Вот вам и поведение, — Тарумов скрипнул зубами. — Вся свора в воздухе, а мы можем поразить их только по поверхности!

Но в воздухе были не все. Компьютер констатировал:

**«В АТАКЕ УЧАСТВУЮТ 66 ПРОЦЕНТОВ ЛЕМОИДОВ.
АКТИВНОСТЬ ВОЗРОСЛА В ПОЛТОРА РАЗА».**

Воббегонг, обминая похрустывающий скафандр, хлопал себя по несуществующим карманам, словно пытался отыскать затерявшуюся шпиргалку.

Бомбы, обвешанные лемоидами, канули в первичную тучу. Через некоторое время она начала пучиться, указывая на разрывы второй атаки. Но теперь этих разрывов было совсем мало.

— Я же должен, должен вспомнить... — маялся Воббегонг.

Тарумов привычно обернулся на Феврие — тот так же машинально кивнул. Но Тарумов истолковал это по-своему и проследил направление кивка. Адресовался он прямо к пульту.

— Черт побери! — воскликнул командир. — Вы же не в первом рейсе, в самом деле. Если уж вы что-то читали недавно, то это не могли быть ни настоящая книга, ни бумажный журнал, а только фильмокопия, хранящаяся в памяти нашей собственной «считалки». Но ведь она дает и ассоциации первого порядка. Вы давным-давно могли запросить компьютер, какие ассоциации у него вызывают все эти проценты действующих и воспроизводящих...

А Воббегонг уже отстукивал запрос. Вряд ли на него стоило так кричать — ассоциативным блоком в полетах практически не пользовались. Но блок работал безотказно — на табло высветилось:

«РЕГЕНЕРАЦИЯ КЛЕТОК ПЕЧЕНИ».

— Ну, естественно, — обрадовался Воббегонг, — статья Меткафа!

Но его радость осталась неразделенной.

— Ну и что? — воскликнул Тарумов. — При чем тут клетка, если лемоиды в жизни не видели ни одной печени? Не могли же они исследовать дистанционно экипаж «Аларма», пока он находился на орбите? Мы валяем тут дурака, а Сунгуров...

— Да нет же! — чуть не плача, крикнул Воббегонг. — Эти твари действительно воспроизводят картину регенерации клеток печени, словно они проходили курс прикладной бионики!

— А я идиот, — вдруг примирительно сказал Тарумов. — Простите, ради бога, Воббегонг, что я орал на вас. Лодария, быстро выудите из видеозаписи какой-нибудь кадр с крупным планом лемоидов... нет... покрупнее... назад крутите, там их навалом... Вот. Стоп. Включайте ассоциативный блок.

Похоже, что он уже знал ответ. На табло возникло одно слово:

«КРЫСЫ».

— В передвижных лабораториях часто содержатся крысы. Вероятно, алармовская «считалка» сочла планету безопасной и выпустила все свои передвижки из-под защиты. Лемоиды начали грабить все подряд, и животные разбежались. У киберов появилась высшая форма жизни, достойная стать эталоном развития...

— Какое счастье, — прошептал Воббегонг, — что у них были ограничены запасы сырья, иначе они налепили бы чудовищ величиной с вездеход. А пришельцы-то тоже кретины: расшвыряли дары своей цивилизации по всей вселенной и даже не удосужились подумать, до какой степени озверения может довести их киберов элементарная борьба за существование. А нам теперь...

— Стойте! — прервал его причитания командир. — Госпитальный отсек, вы меня слышите? Вызывает командир корабля. Сунгуров, вы не успели... Вижу. Прекрасно. Начинать контакт запрещаю до следующих распоряжений. Все. Отключаюсь. Воббегонг, бегом в камбуз и принесите мне ведро воды. Нет, не обязательно кипяченой. Но поскорее.

Феврие смотрел на него с возрастающим изумлением. Да, Сергей был щенком, но талантливым, всемогущим космическим щенком, упоенным собственным юным всесилием. И еще это был прирожденный, настоящий Командир, испытывавший себя в первом рейсе — и каком рейсе!

— Теперь так: всем взять микрофон... да, сбоку от пульта, в гнездах... Нужна запись с нескольких точек. Лодария, вы самый длинный? На кресло! Воббегонг, передайте ему ведро. Так. Лейте на крышку люка — звончее получится и не слишком скупой струей. Микрофоны ниже... Начали запись!

Меньше чем за минуту стереопленка была готова.

— Давид, оба корабля — на прямую связь. Пленку — в кольцо, и непрерывно транслировать на все плоскогорье. На все не получится? А алармовские вездеходы? На них же пятидесятиваттные динамики. Та-а-ак... Сейчас мы устроим филармонию под открытым небом... Воббегонг, все имеющиеся у нас грозоразрядные ракеты — вниз! Нам надо вызвать вселенский потоп, чтобы обмыть это плато от крысиной

скверны. Готово? А теперь главное: установите связь между гипнофонами наших кораблей. Я знаю, что этого никто никогда не делал. Я знаю, что гипнотрансляция на неизученных планетах строго запрещена. Давайте связь, Давид, а всю кару я приму на себя. Гипноатака неэтична по отношению к разумным или хотя бы живым существам, но перед нами только механические крысы, усвоившие всю крысиную психологию: тупую жадность, звериную агрессивность, эту мерзостную тенденцию вцепиться целой сотней в одного... Но у них должна быть и крысиная трусость. Как там с потопом, Воббегонг?

— Ракеты пошли... видимость ни к черту.

— Ладно, не пожалеем предпоследний зонд. А теперь — приказ по всему кораблю: всем членам экипажа и экспедиции надеть шлемы и подключиться к ближайшему щитку каналов мнемозаписи. Проверьте мембраны на висках! Готово? А сейчас напрягите воображение: наш корабль затоплен водой. Вода сверху и снизу. Мы тонем. Единственный выход — бежать, бежать, бежать без оглядки... Начали! Создайте картину наводнения! Ужаса! Бегства! Минуту, пять, десять — пока я не дам отбоя. Но ни одной посторонней мысли!

Феврие прикрыл глаза. Он знал, что решение будет гениально простым — оно таким и оказалось. Разбудить присвоенный киберами крысинный инстинкт, попасть ему в резонанс, раскачать его, как бы слабо он ни теплился... На какое-то время инстинкт сильнее разума. А этого времени будет достаточно, чтобы сесть и прикрыться чужой защитой.

А между тем зонд уже спустился над самой тучей, еще более разбухшей от мгновенно сконцентрировавшейся над плоскогорьем влаги. Вот ее плотную массу пронизали первые ослепительные разряды... Потоп начался!

— Трансляцию! — кричал Тарумов. — Давид, дайте тысячекратное усиление шума! Воббегонг, где вездеходы? Есть? На тридцать секунд снимите защиту, чтобы они прошли... Хорошо, восстанавливайте защиту! Никому не прерывать гипнотрансляции! Вода! Кругом вода! Ничего, кроме воды!

...Вода стремительно подымалась, затопляя все кругом, она была уже выше колен, подбиралась к поясу... Мутная, ревущая, обрушивающаяся сверху и бьющая фонтаном снизу — вода...

Тарумов очнулся. Если и остальным это удалось с такой же силой — это здорово. Он огляделся. На лицах с полуприкрытыми глазами читался и ужас, и напряжение, и готовность сорваться с места и панически бежать... Впрочем, нет, одни глаза не были закрыты. Бессильно прищуренные, слезящиеся, старческие.

— Очень плохо? — одними губами спросил Тарумов. — Сейчас мы сядем. Они же бегут, Дан! Они бегут...

Зонд бесстрашно влез в самую тучу, и на его инфракране мелькали последние призрачные контуры, напоминающие непомерно разжиревших крыс. Затем мельканье прекратилось.

Командир выждал еще несколько минут. Удирали они на пяти «g», но лучше подстраховаться... А вот теперь пора.

— Отбой по всему кораблю! — Он обернулся к Феврие. — Садимся по пеленгу, пока они не опомнились. Садимся, Дан! Мы садимся.

«Мы, — подумал Феврие. — МЫ. А если сказать ему правду? Сказать, что все это время он действовал сам, и действовал по большому счету, как настоящий командир? Сказать, что я сломался в самом начале, после первого толчка, что со мной произошло то, во что я просто не верил, хотя мне про это и рассказывали старики, — что ко мне не постепенно, как это бывает на Земле, а разом, в единый миг, пришла глубокая старость, когда не можешь ничего: ни духом, ни телом... Надо бы это ему сказать — заслужил. Собственно, спас всех, не одну только Лору. Но если сказать это ему — он останется командиром. Он ринется во второй рейс, и все будет благополучно. И в третьем ему все сойдет. И в десятом. Такие фантазмагии, как эта, бывают чрезвычайно редко. Но где-то в самом безопасном, неприметном рейсе все повторится, а рядом может не оказаться старого космолетчика, который поймет, что перед ним дублер, второй номер, который скажет: считай командиром меня. Действуй так, словно ты находишься за моей спиной. Будь спокоен, первый здесь и до посадки — я, а ты — только второй... Нет. Ничего я ему сейчас не скажу. Мы посадим корабль, твердо зная, что делаем это в последний раз. И, вернувшись на Базу, мы уйдем вместе: я — потому что я кончился как звездолетчик, а он... он больше не сможет командовать кораблями, ни на минуту не забывая, как он сажал «Щелкунчика» на Чомпоте, спрятавшись за мою спину...

На поверхности плато гигантскими оспинами виднелись воронки. И только за чертой силовой защиты начиналась гладкая поверхность. В иллюминатор влезли оплавленные дюзы «Аларма».

— Отключить защиту! — скомандовал Тарумов.

«Щелкунчик» сел так мягко, что никто этого не заметил.

— Защиту восстановить, наладить связь с Базой... Госпитальный отсек, как гам Лора?

— Лора держится, — ответили ему из госпитального.

